

ПРИПИСЫВАНИЕ ДЕЙСТВИЯ – ПРИПИСЫВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
(ПО КОНЦЕПЦИИ АСКРИПТИВИЗМА Г.Л.А. ХАРТА)

© 2016

С.Н. Касаткин, кандидат юридических наук, профессор кафедры
«Теория и история государства и права»
Самарский юридический институт ФСИИ России, Самара (Россия)

Ключевые слова: действие; ответственность; Г.Л.А. Харт; аскриптивизм; социальные понятия.

Аннотация: В статье исследуется понятие действия и его связь с ответственностью в лингво-аналитической концепции британского философа и правоведа Герберта Харта. Обсуждается тезис мыслителя о социальном (аскриптивном) характере понятия действия, противопоставленный его трактовке как описания эмпирического факта. Анализируется концепция приписывания ответственности Харта, ее ограничения, а также возможности ее переформулирования в свете авторской доктрины аскриптивизма.

В традиционном (обыденном, юридическом, моральном и пр.) дискурсе идея ответственности тесно связана с идеей действия. При этом само понимание действия остается весьма дискуссионным, а различия его трактовки задают различные перспективы концептуализации ответственности. Исходя из этого, в данном сообщении обратимся к обсуждению понятия действия, как оно представлено в доктрине аскриптивизма британского философа и правоведа Герберта Харта (1907–1992), и разберем заявляемый им тезис о связи приписывания действия и вменения ответственности.

Заявленная тематика разбирается мыслителем в ряде его работ, начиная с (ключевого здесь) очерка 1949 года «Приписывание ответственности и права» [1], где вопрос о трактовке понятия действия является центральным. Как отмечалось ранее [2; 3], методологически Харт подходит к обсуждению данного вопроса с позиций аналитической лингвистической философии с ее постулатом о важности анализа (прежде всего обыденного) языка для решения философских проблем и смещением исследовательских акцентов со спекулятивной онтологии на рефлексию речевых практик сообщества. Более конкретно, Харт реализует также проект «лингвистической феноменологии» (в духе Дж.Л. Остина) [4, с. 208] или «дескриптивной социологии» [5, с. 7], согласно которому анализ языка, существующих здесь конструктов, связей и оппозиций, выступает ключом к познанию отраженного в языке социального мира.

В этом контексте британский философ обсуждает и понятие действия, обращаясь к разбору характерных высказываний обыденного и юридического языка: «Я сделал это», «Вы сделали это», «Он сделал это» и пр. Как известно, он провозглашает аскриптивный и отменяемый статус понятия (глаголов) действия, а также аскриптивную функцию соответствующих утверждений, производящих, по его мнению, приписывание ответственности: «...Наше понятие действия... есть понятие социальное и логически зависимое от принятых правил поведения. Оно... не является описательным понятием, но по природе аскриптивно. И оно является отменяемым понятием, подлежащим определению посредством исключений, а не через совокупность необходимых и достаточных условий, физических или психологических» [1, с. 362]. «...Предложения «Я сделал это», «Вы сделали это», «Он сделал это» суть... первичные высказывания, посредством которых мы признаем или допускаем обязанность, выдвигаем обвинения или приписываем ответственность» [1, с. 360].

Для более четкого уяснения позиции Харта рассмотрим ее в свете одного из известных в философии вопросов: «Что отличает физическое движение человеческого тела от человеческого действия?». Традиционный и наиболее распространенный ответ на данный вопрос базируется на понимании действия как *объективного эмпирического факта* – движения тела человека (или мышечного сокращения), вызванного некой психологи-

ческой причиной: волей, намерением, решением и т. п. [1, с. 361; 6]. Отсюда ответом на наш вопрос будет указание на соответствующий *акт воли*. Именно акт воли лица, порождающий соответствующие движения его тела, и позволяет разграничивать движение и действие. В этом контексте человеческое действие, как эмпирический факт, полагается доступным описанию с точки зрения закрытых логических формул («языка необходимых и достаточных условий» применения понятия), а право рассматривается как система понятий, описывающих такие эмпирические факты и связывающих с ними юридические следствия [1, с. 344–345].

В отличие от традиционного воззрения, Харт отстаивает иную позицию. Согласно философу, человеческое действие не является описательным понятием, т. е. понятием, имеющим собственные прямые или эксклюзивные эмпирические референты. Оно является понятием аскриптивным (социальным, нормативным) и отменяемым (презумптивные и неопределимые через закрытые формулы).

Что означает тезис о *социальном* характере понятия действия? Как полагаем, Харт апеллирует к известной в философии дифференциации естественных (природных) и социальных классов [7]. В отличие от естественных, т. е. эмпирических понятий, социальные понятия *производны от социальных институтов* и норм, извлекают из них свое значение. Их референты не сводимы к материальной фактологии и не выводимы из нее, но существуют лишь благодаря социальной практике, «нормативной перспективе». В ее контексте наблюдаемые эмпирические данности наделяются нужными социальными характеристиками, что обеспечивает – через механизмы аскрипции – конституирование реальности «вторичных», социальных или институциональных, фактов [8, с. 56–57].

По сути, именно об этом и говорит британский философ, когда проводит *аналогию между действием и собственностью*. Собственность – это социальное понятие. Оно не сводимо к каким-либо эмпирическим объектам, приобретающим статус собственности лишь в определенной системе отношений, норм, лингвистических конвенций: «Собственность не является описательным понятием, и различие между предложениями «Это часть земли» или «Смит удерживает часть земли», с одной стороны, и предложениями «Это чья-то собственность» и «Смит владеет частью собственности», – с другой, нельзя объяснить без обращения к неописательным [аскриптивным] высказываниям, посредством которых провозглашаются правовые нормы и принимаются решения, или... посредством которых признаются права... Также и разница между предложениями «Его тело двинулось в насильственное соприкосновение с телом другого» и «Он сделал это» (например, «Он ударил ее») нельзя объяснить без обращения к неописательному употреблению предложений, посредством которых приписываются обязанности или ответственность. Что является в кор-

не неправильным... [в традиционном анализе действия, так]... это ошибочное отождествление... значения неописательного высказывания, приписывающего ответственность..., с фактическими обстоятельствами, которые подкрепляют такое приписывание или являются для него надлежащими основаниями» [1, с. 362].

Таким образом, в свете рассуждений Харта различие между движением и действием видится более фундаментальным, чем это предлагается традиционной доктриной. Данное различие обусловлено разницей типов используемых понятий, установок и языков и лежит в области социальной, институциональной нормативности. Действие – понятие социальное, аскриптивное, сопряженное с вменением нормативного статуса определенным эмпирическим данностям (конструированием фактов «второго порядка»).

Приведенный тезис Харта напоминает сходные рассуждения в философии, идущие от Л. Витгенштейна и его примеров с игрой в шахматы [9]. Что такое шахматная игра? Как распознать или определить шахматный ход? Можно ли свести его к передвижению шахматной фигуры по расчерченной на черно-белые квадраты доске? Как отличить шахматный ход от случайных передвижений фигуры игроком? От передвижения фигур новичком, актером, ребенком, человеком, не имеющим представления о шахматах, роботом и пр.? Можно ли утверждать, что, передвигая по доске фигуры так, как это делают шахматисты, они также играют в шахматы? Очевидно, что для подобного утверждения сходства внешних движений не достаточно. Ход шахматиста – это скорее определенное их видение, возможное только в рамках определенного нормативно-лингвистического контекста практики сообщества («игры в шахматы») и только для тех, кто владеет или знаком с присущими ей правилами, конвенциями, системами квалификаций. Вне этого у нас нет критериев для разграничения простых передвижений шахматных фигур и шахматного хода: «...Для того, кто не знает, что означает «сделать ход в игре», сообщение о том, что происходит, когда «делаются ходы», вообще не будет иметь смысла, и наблюдение по сути не дает представления о том, что происходит... Значение [высказывания]..., через которое мы сообщаем о действиях на шахматной доске, таким образом зависит от факта, что мы разделяем с вовлеченными в эти действия некую практику, т. е. ... форму жизни тех, кто следует определенным правилам социального взаимодействия...» [10, с. 444–446].

Пример шахматного хода также и демонстрирует отстаиваемую Хартом социальную природу понятия действия: «Термин «действие» закрепляется за ситуациями, когда то, что делает индивид, в надлежащих обстоятельствах может быть предметом моральной оценки... Так же, как мы обеспечиваем фон при осмыслении телесного поведения играющих в шахматы, мы обеспечиваем и сложные основания... в понимании поведения друг друга в качестве действия. Этот практический контекст имеет принципиальный характер... В его отсутствие мы используем холодный язык... физиологов..., а с ним мы способны участвовать в словоупотреблении, посредством которого мы вменяем ответственность индивидам, когда относимся к ним как к личностям или моральным деятелям... При обычном использовании предложений о действиях мы приписываем ответственность..., мы вменяем индивиду нашу общую моральную форму жизни» [11, с. 523, 539–540].

Подчеркивая социальный характер понятия действия, Харт при этом в очерке 1949 года связывает его «первичное», т. е. наиболее типичное и характерное, употребление (в противовес описанию эмпирических фактов) с *приписыванием или вменением ответственности*. Что же, согласно автору, происходит, когда в суде или в быденной жизни используются предложения типа «Он сделал это», например, когда заявляется: «Он ударил ее?»

Во-первых, полагает Харт, отвечая на вопрос «Кто это сделал?» («Кто ударил ее?»): «Это сделал Смит», мы обычно не рассматриваем такой ответ как составное утверждение о том, что имело место физическое движение тела Смита и что в сознании Смита произошло некое психическое событие (намерение или решение нанести удар). По мысли философа, в случае такой ссылки на психологические события, мы присоединили бы к нашему ответу что-то еще. Наоборот, в данной ситуации высказывание «Он ударил ее» представляет собой *смесь факта и нормы*, т. е. приписывание ответственности, обоснованное фактами. Наблюдаемые движения тела Смита – это те обстоятельства, которые, в отсутствие возражений, подкрепляют аскриптивное утверждение «Он сделал это» или являются для него надлежащими основаниями [1, с. 362–363].

Во-вторых, приписывание ответственности носит *отменяемый*, т. е. презумптивный и оспоримый характер. Как отмечает Харт, утверждение «Смит ударил ее» может быть оспорено как через отрицание материальных фактов («Нет, это был Джонс, а не Смит»), так и через апелляцию ко множеству иных доводов и обстоятельств – возражений или исключений (например, что он ударил ее «случайно», «по невнимательности», «перепутав человека», «в рамках самообороны», «вследствие провокации», «психического расстройства» и пр.). Такие исключения способны полностью или частично аннулировать основанное на фактах первоначальное утверждение [1, с. 363], что еще раз показывает нефактуальный характер действия и сложность нормативных оснований приписывания.

В-третьих, Харт указывает на *инверсивность и разнородность «психологических» возражений*, которые в традиционной доктрине рассматриваются как знаки отсутствия общего и необходимого элемента действия («намерения», «осознания» и т. п.). Согласно автору, в обыденном (да и в юридическом) словоупотреблении, о действии обоснованно говорят при наличии наблюдаемых фактов и в свете определенных социальных презумпций и конвенций. Вопросы же психологического плана возникают лишь в особых речевых контекстах, а общие формулировки психологического элемента понятны и уместны лишь как сводки соответствующих и весьма разнородных возражений: «...Когда мы приписываем человеку некое действие, вопрос о том, произошло ли психологическое «событие», возникает вовсе не в этой предлагаемой утвердительной формулировке, но в форме исследования того, относится ли к данному делу какое-либо из... возражений, смягчающих ответственность. Кроме того, когда дается более конкретное описание предполагаемого общего психического элемента, обычно выходит так, что он является чем-то совершенно специфичным, характерным лишь для особого вида действия и вовсе не образует существенного элемента любых действий» [1, с. 364–365].

В данном случае Харт, по сути, использует идею *исключающих терминов* Дж.Л. Остина, таких как «настоящий», «свободный» и пр. Такие термины не имеют собственного внеконтекстного содержания и применяются в речи для исключения различных противоположных характеристик. (Так, выражение «настоящая утка» употребляется, чтобы исключить те разнообразные аспекты, в которых что-то является не настоящей уткой, а, например, чучелом, игрушкой, картинкой, приманкой и т. д.) [11, с. 192–193]. Сообразно этому Харт интерпретирует, например, слово «намеренный»: «...Легко поддаться иллюзии, что точное и удовлетворительное «определение» [действия] можно сформулировать с помощью таких понятий, как «намеренность», ибо логическая природа подобных слов аномальна и неверно истолкована. В приведенных определениях они рассматриваются в качестве слов с положительным эффектом, однако... слово «намеренный» (“voluntary”) на самом деле служит для

того, чтобы исключить разнородный ряд ситуаций, таких как физическое принуждение, принуждение посредством угроз, несчастные случаи, ошибки и т. д., а не для того, чтобы обозначать некий психический элемент или состояние. Равным образом и слово «ненамеренный» (“*involuntary*”) не означает отсутствия такого психологического элемента или состояния» [1, с. 352–353].

В-четвертых, Харт указывает на *непродуктивность поисков* некоего *подлинного действия*, отделенного от его последствий и речевых квалификаций (когда требуется корректура традиционного языка и вместо неточного «Он выстрелил в него случайно» предлагается говорить: «Он выстрелил из ружья» (действие в строгом смысле) и «Пуля попала в человека» (последствия действия)). По мысли философа, такая позиция ведет к нежелательным парадоксам: «Если ситуации несчастного случая должны быть разобраны на подлинное действие *плюс* непреднамеренные последствия, тогда... обычное действие должно быть разложено на подлинное действие *плюс* намеренные последствия. С этой точки зрения выстрел из ружья будет включать в себя нажатие на курок *плюс*..., а нажатие на курок – взведение курка пальцем *плюс*... Так что в итоге единственными «подлинными действиями» (если таковые вообще существуют) будут минимальные движения, осуществимые нашим телом, когда уже ничто не «может» пойти не так» [1, с. 366].

В-пятых, Харт подчеркивает *практическую ограниченность психологического критерия*, не объясняющего лингвистических границ между (пусть и случайным) действием и другими явлениями: «Если я целюсь в столб, и ветер сносит мою пулю так, что она попадает в человека, говорят, что я попал в него случайно, но если я целюсь в столб, попадаю в него, а пуля затем рикошетит в человека, будут говорить, что это вообще не было моим действием. Вместе с тем, ни в том, ни в другом случае, я не принимал какого-либо решения совершить то, что произошло, у меня не было к этому желания или намерения» [1, с. 364–365].

Изложенный подход Харта представляется интересным, значимым и во многом обоснованным. Заявляемая им доктрина аскриптивности понятия действия вскрывает общий механизм социального приписывания и конструирования институциональной реальности. Как и в отношении иных социальных понятий, у понятия действия нет каких-либо универсальных, логически унифицированных эмпирических референтов. Оно употребляется, когда для этого есть надлежащие основания. (В этом плане в литературе иногда говорится, что Харт определяет не ответственность через действие, а наоборот, действие через ответственность: действие приписывается лицу, если это проистекает из соответствующих социальных правил, стандартов вменения ответственности [13].

При этом трактовка Харта предлагает скорее усложнение прежней модели действия и смену ракурса его концептуализации. Действия интерпретируются с внешней точки зрения, с точки зрения сообщества. В структуре социального приписывания автор ставит акцент на наблюдаемые положения дел, тогда как «психологические состояния» выступают в качестве возможных «возражений», результатов или иных элементов вменения. Однако это, как полагаем, не означает исключения психологического элемента из общей концептуализации действия. Скорее речь здесь должна идти о соответствующей смене его статуса в системе приписывания, тем более, что во многих сообществах психологические элементы играют здесь ключевую роль: действие понимается как нечто, что субъект или лицо реализует с точки зрения собственного плана действий (включая бездействие) [6].

Вместе с тем обратим внимание на противоречивость позиции Харта, когда употребление понятия действия мыслится именно как приписывание ответственности. Согласно собственным критериям философа – практике реального словоупотребления – такая связка вовсе не

обязательна, даже при использовании предложений типа «Он сделал это» в обыденном и в юридическом дискурсе. Примеры обратного есть и в самом тексте 1949 года: заключение договора, передача или признание прав (имущества), составление завещания и т. д. [1].

В этом плане видится в целом оправданным (хотя и не единственно возможным) переосмысление аскриптивности понятия действия, сложившееся в западной литературе. Согласно такой трактовке, приписывание ответственности при употреблении понятий действия возможно при осуждающих моральных или правовых оценках. Однако подобное осуждение является исключением: обычно, говоря о действиях (кто-то «выпил вино», «только что приехал» и т. д.), мы описываем то, что было сделано, но не вменяем ответственность. Отсюда Харт, по-видимому, пал жертвой «плохого выбора примеров», взяв в качестве стандартного случая дурной поступок, когда мужчина ударил женщину, тогда как в отношении сотен намеренных и совершенно обычных действий сказать, что некто совершил X, как правило, не означает принятие квазиправовой или квазиморальной позиции. Вполне возможно, что понятия правовых или судебных действий подразумевают ответственность или что наш словарь включает ряд «глаголов виновных (*faulty*) действий», используемых прежде всего в характерных «предложениях о виновных действиях». Это утверждения, согласно которым лицо заслуживает порицания или наказания за то, что он сделал, или высказывания, которые выражают осуждение, приписывая лицу совершение действия, так или иначе неподобающего или дефектного. Хорошим примером здесь служит понятие убийства, в которое «встроено» порицание или ответственность, в связи с чем утверждать, что А убил В, означает заявлять, что действие А было совершено ответственно. Но в повседневных обстоятельствах утверждение, что А совершил X, не образует подобного заявления. И хотя всегда можно спросить, ответственно ли лицо за совершенное действие, отрицательный ответ не отменяет утверждение, согласно которому лицо фактически совершило действие X, именно потому, что в повседневных обстоятельствах понятие ответственности не включено в определение понятия X [14, с. 178–180].

Как полагаем, отождествление приписывания действия и вменения ответственности не является необходимым для аскриптивной концепции Харта. Здесь возможна и, полагаем, предпочтительна более широкая и взвешенная точка зрения (присотекающая, например, из авторской аналогии приписывание действия и приписывание собственности, как схожих социальных понятий, укорененных в институциональных практиках, стандартах и дискурсах). В этом контексте отстаиваемую Хартом ответственность скорее следовало бы мыслить, например, как «авторство», т. е. как вменение действия субъекту и т. п. [3, с. 232]. Присутствуя в очерке 1949 года, такой подход четко не обособлен, оставаясь на периферии трактовки понятия действия как вменяющего ответственности – по сути, частного случая данного подхода. А если так, то рассмотренные дефекты вполне доступны прояснению и корректировке, а их исправление отнюдь не подрывает общей состоятельности базовой авторской доктрины аскриптивизма.

Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-03-00804.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Харт Г.Л.А. Приписывание ответственности и прав // Юриспруденция в поисках идентичности: сборник статей, переводов, рефератов. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2010. С. 343–367.
2. Касаткин С.Н. Приписывание прав и ответственности в концепции Герберта Л.А. Харта // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 3. С. 83–89.

3. Касаткин С.Н. Как определять социальные понятия? Концепция аскриптивизма и отменяемости юридического языка Герберта Харта. Самара: Прайм, 2014. 472 с.
4. Остин Дж. Принесение извинений // Три способа пролить чернила: философские работы. СПб.: Алетейя, 2006. С. 200–231.
5. Харт Г.Л.А. Понятие права. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. 302 с.
6. Харт Г.Л.А. Акты воли и ответственность // Философия и язык права. М.: Канон+, 2017. С. 241–270.
7. Харт Г.Л.А. Определение и теория в юриспруденции // Как определять социальные понятия? Концепция аскриптивизма и отменяемости юридического языка Герберта Харта. Самара: Прайм, 2014. С. 369–402.
8. Сёрл Дж.Р. Что такое речевой акт? // Философия языка. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 56–74.
9. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Ч. I. М.: Гнозис, 1994. С. 75–319.
10. Оглезнев В.В. Является ли «действие» дескриптивным понятием? // Антропология права: философский та юридичний виміри (стан, проблеми, перспективи): статті учасників Міжнародного «круглого столу». Львів: Галицький друкар, 2010. С. 442–449.
11. Melden A. Action // Philosophical Review. 1956. Vol. 65. № 4. P. 523–541.
12. Остин Дж. Смысл и сенсibiliи // Избранное. М.: Идея-Пресс, 1999. С. 141–244.
13. Paprzycka K. Social Anatomy of Action. Toward a Responsibility-Based Conception of Agency. Ph. D. Dissertation. Pittsburgh, 1997. 260 p.
14. D’Almeida L.D. Description, Ascription and Action in the Criminal Law // Ratio Juris. 2007. Vol. 20. № 2. P. 170–195.

ASCRPTION OF ACTION – ASCRPTION OF RESPONSIBILITY (BASING ON H.L.A. HART’S CONCEPTION OF ASCRIPTIVISM)

© 2016

S.N. Kasatkin, candidate of law, professor at the Department of theory and history of state and law
Samara Institute of Law of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara (Russia)

Keywords: action; responsibility; H.L.A. Hart; ascriptivism; social concepts.

Abstract: The article explores a concept of action and its relation to responsibility in the linguistic-analytical conception of a British philosopher and jurist Herbert Hart. It discusses the thinker’s thesis about a social (ascriptive) character of a concept of action, opposed to its interpretation as a description of empirical fact. The article also analyzes Hart’s conception of ascription of responsibility, its limits as well as possibilities of its reformulation through the author’s doctrine of ascriptivism.